

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA)| (ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

**СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ**

**Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi**

**Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer**

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

TABULA GRATULATORIA

- Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebda, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna
- Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kałęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránda Eötvösa /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylwia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowa, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934)	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвэлволпал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя.....	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла.....	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
МАТЫЛДА CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
МИСЛАЉ МИЛЦЗАРЕК	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталья Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Валерий Мильдон

Всероссийский государственный институт кинематографии
им. С.А. Герасимова, Москва

Эней и Анна

Пространства судьбы в *Энеиде* и *Анне Карениной*

Книга В.Н. Топорова *Эней – человек судьбы*¹ наводит на мысль: русской литературе тоже известен такой персонаж – Анна Каренина. Всплывает сравнение двух судеб и двух пространств.

Уже начальные строки Вергилия свидетельствуют, что его герой в самом точном смысле – «человек судьбы»: она ему дана, он ей только следует, ибо известен (по мысли поэта, повторяемой в каждой из двенадцати книг его историософского эпоса) финал, неведомы лишь детали, эпизоды. Поэтому в первой же книге Эней безошибочно предсказывает: «Самое тяжкое все позади, и нашим мученьям // Бог положит предел. [...] Предначертано вновь воскреснуть троянскому царству»². Его мать, покровительница, Венера, подтверждает: «Знаю: годы пройдут, и от крови Тевкра старинной // Там, в Италии, род победителей-римлян восстанет, // Будут править они полновластно морем и сушей...»³

Два царства соединены в судьбе персонажа: разрушенная греками Троя и Рим. В этих двух пространствах помещена жизнь героя, очевидно, никакого отношения к судьбе Анны оба пространства не имеют. Однако есть третье пространство, как пишет исследователь *Энеиды*:

¹ В. Топоров, *Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии*, ч. 1, РАДИКС, Москва 1993.

² Вергилий, *Энеида*, Издательство АСТ, Москва 2006, с. 7.

³ Там же, с. 15.

...Вступив после многолетних странствий на землю Италии [...] Эней, при сохранении самоощущения, стал иным, чем был в свой «доиталийский» период⁴. Он стал тем, кто, узнав свою судьбу, осознал её как долг и потому добровольно следует ей. [...] Здесь и возникает проблема... тождества двух Энеев, «прежнего»...и «иног», теперешнего. [...] И только в свете этого сложного соотношения «своего» и «не-своего»... можно оценивать поведение Энея и судить его самого⁵.

Судьба Энея рассмотрена как образ судьбы европейского человека, одержимого поиском себя. Для этого необходимо преодоление того, что не есть ты, – таков смысл долголетних странствий Энея по морю и суше: пространства его судьбы открывают ему, кто он и каково его назначение.

Судьбу Энея определяет пространство истории. Пространство Анны определено её судьбой. Для неё оно, в отличие от Энея, не имеет значения, ибо оно в ней самой, хотя и она «героиня судьбы», но не пред-видит её, как Эней, а пред-чувствует, о чем читатель тоже узнает, едва начинается повествование. Её приезд в Москву совпал с несчастным случаем: по вокзалу разнесся слух о гибели сторожа железной дороги под колесами паровоза. «Дурное предзнаменование», – сказала она. Таких предзнаменований нет в судьбе Энея, для него все они благоприятны.

Пред-знаменование еще не знамение, но первый шаг в «пространстве судьбы» Анны сделан. Будут еще знаки, всего три: первый, только что упомянутый, в купе поезда из Петербурга в Москву, где она впервые увидела Вронского; второй на скачках с участием Вронского, третий – его и её одинаковый сон. Во всех эпизодах значимое для судьбы Анны пространство стеснено (при сравнении с пространствами Энея): купе, гостевая трибуна на скачках и приснившаяся ей комната.

Жизнь «второй Анны» (параллельно «двум Энеям»: скитальцу после разгрома Трои и основателю будущей римской империи) не зависит, как у Энея, от внешних пространств, это видно при всех её топографических перемещениях, в частности, в Италии – случайное совпадение с маршрутом Энея, как случайно и то, что имя сестры Дидоны, страстно полюбившей Энея и закончившей жизнь самоубийством, – тоже Анна.

Да, совпадение случайное, но предчувствию не нужны причины, какими полно движение Энея, сопровождаемое сбывающимися

⁴ В. Топоров, *Эней – человек судьбы...*, с. 25.

⁵ Там же, с. 25-26.

предсказаниями – внешней оболочкой причинности. Словно для того, чтобы читатель не забыл, что Эней – «человек судьбы», поэт всякий раз об этом напоминает, и не столько предсказатели/прорицатели вещают, сколько Вергилий сам правит судьбой героя. Вот почему Данте выбрал его своим проводником по трем сферам (оставляю в стороне родственные каждому поэту взгляды на величие Рима как один из мотивов такого выбора).

Судьбой Анны никто не правит, даже она сама, иначе не бывает с предчувствиями, они бесконтрольны, но тем сильнее их воздействие; поступки Анны подчинены таинственной силе, для которой у Толстого нет о-пределения – так сказать, внешнего пространственного предела, как у Энея:

Как будто избыток чего-то так переполнял её существо, что мимо её воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против её воли в чуть заметной улыбке⁶.

Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла затушить выражение этой радости⁷.

Толстой взял слово «затушить» для изображения радости, но оно ассоциативно близко по значению словам, описывающим неприязнь героини к мужу тем большую, чем сильнее ее любовь к Вронскому:

Анна шла, опустив и играя кистями башлыка. Лицо ее блестело ярким блеском; но блеск этот был не веселый; он напоминал страшный блеск пожара [параллель к «затушить» в предыдущем отрывке – В.М.] среди темной ночи⁸.

Ассоциации, окружающие Анну, символически предвещают её судьбу. Писатель часто изображает героиню, используя и слово «страшный», и слова, родственные по смыслу или впечатлению. Происходит это потому, что героиня бессознательно предчувствует финал, и ее предчувствие, овладевшее писателем, толкает его к упомянутой лексике: говорит не он, а в нем говорит она, по контрасту с Энеем, в котором говорит автор.

⁶ Л. Толстой, *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18, Государственное издательство художественной литературы, Москва-Ленинград 1934, с. 66. Здесь и далее выделение в цитатах и тексте мое – В.М.

⁷ Там же, с. 135.

⁸ Там же, с. 153.

В её судьбе пространство извне, повторяю, имеет второстепенное значение: жизнь «второй Анны» (параллельно «двум Энеям» В. Топорова) началась на вокзале и закончилась на железной дороге: главные действия, судьба героини разворачиваются в ней самой.

Каждый, кто сталкивается с Анной, чувствует на себе притягательную и страшную силу, исходящую от «самой Венеры». Кити первая обнаруживает это и пугается. Мистический ужас примешивается к восторгам Вронского, когда он идет на свидание с Анной. Левин в ее присутствии теряет всю свою волю. Анна понимает, что она уже не принадлежит себе; [...] теперь единственная цель ее жизни – нравиться во что бы то ни стало своему возлюбленному; [...] она испытывает муки ревности; [...] она прибегает к морфию, чтобы забыться; и так продолжается до того дня, когда невыносимые душевные муки [...] бросают ее под колеса поезда. [...]

В центре романа – трагедия души, испепеляемой страстью, сокрушенной карою господней; трагедия эта создана единым дыханием, раскрыта до сокровенных глубин...⁹

Упомянутая Р. Ролланом Венера – мать Энея, и, следуя этой нечаянной логике, Анна – её «дочь», «сестра» Энея. Но если мать неотступно опекает сына, «дочь» сама распоряжается своей судьбой, «раскрытой – французский писатель прав – до самых глубин».

Эта глубина передается, в частности, внутренними диалогами Анны. У Энея таких диалогов нет, он разговаривает с богами, с внешними силами, и вышеприведенная оценка этого персонажа («И только в свете этого сложного соотношения „своего“ и „не-своего“... можно оценивать поведение Энея и судить его самого»¹⁰) свидетельствует лишь о том, как в наши дни можно прочитать стихотворный эпос Вергилия, хотя, на мой взгляд, тоже современного читателя, текст *Энеиды* не подкрепляет подобных суждений: в действиях Энея, в отличие от Анны, нет именно «своего», и потому некого судить.

Б. Зайцев, комментируя в *Жизни Тургенева* его взгляд на любовь, писал:

Он не только считал, что видит Божество в глазах любимой, но полагал, что любовь вообще как бы расплавляет человека, изливает его из обычных форм,

⁹ Р. Роллан, *Жизнь Толстого* [в:] Р. Роллан, *Собрание сочинений в 14 томах*, т. 2, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1954, с. 270.

¹⁰ В. Топоров, *Эней – человек судьбы...*, с. 25-26.

заставляет забывать о себе – «выводит» из личности (соединяя с бесконечным). Не все могут любить. Есть лишённые этого дара¹¹.

Потом Зайцев повторил свои слова в предисловии 1927 г. к сборнику И. Бунина *Солнечный удар*:

...Краткое и густое... повествование о страсти, о том, что ослепляет, ошеломляет, о выхождении человека из себя [...] Не так, пожалуй, важен человек, как то, что больше его: любовь¹².

В любовной страсти Анна «выходит из себя» в бесконечные пространства «себя другой», прежде ей не известной, и эта «метафизическая» бесконечность не только притягивает к ней, по наблюдению Р. Роллана, но притягивает её саму. Поэтому мысль (только мысль), что она может лишиться любви Вронского и вернуться к унылой обыденности, ужасает её, и она признается Стиве: «Ты не можешь понять. Я чувствую, что лечу головой в какую-то пропасть, но не должна спастись и не могу»¹³.

Не должна, поэтому не могу. «Долг», конечно, метафизический. У нее хватило бы воли (могу), будь в ее помыслах представление о долге нравственном, и хотя она, действительно, должна, но её долг отличен от осознанного долга Энея. Разница вызвана тем, что Вергилий создал, повторяю, исторический эпос; Толстой же – эпос психологический, действие которого разворачивается во внутренних, бесконечных пространствах персонажа, потерявшегося в них. Изображение темноты такого «пространства судьбы», смысл которого героиня постигает своими силами, но терпит неудачу, отличает два эпоса, как отличны «самосознание Энея» (в оценке В. Топорова) и «выхождение из себя», из этого «само» Анны.

Это был совершенно новый тип психологического повествования – отказ героини от себя прежней, чем, говоря попутно, объясняется и эпиграф к роману: «Мне отмщение, и Аз воздам»¹⁴. Мне, Господу, ибо невозможен человеческий суд такой судьбы. Поэтому в её присутствии Кити пугается, Вронский испытывает мистический ужас, Левин теряет всякую волю – какой уж тут суд! Началу этой «другой Анны» можно завидовать, а финалу

¹¹ Б. Зайцев, *Далекое*, Советский писатель, Москва 1991, с. 245.

¹² И. Бунин, *Собрание сочинений*: в 8 т., т. 5, Московский рабочий, Москва 1996, с. 18-19.

¹³ Л. Толстой, *Полное собрание сочинений...*, т. 18, с. 450.

¹⁴ Новый Завет, Послание к римлянам апостола Павла, 12, 19.

лишь сострадать: от надзвездных полетов любви вернуться к обычным, рядовым формам существования. Психологический эпос Л. Толстого впервые в европейской литературе приоткрывает еще не изведенные художественным опытом судьбы души, хотя нечто близкое высказал, по мнению одного из экзистенциальных аналитиков, С. Кьеркегор в концепции «отчаянного стремления быть самим собой и нежелания быть собой»¹⁵. «Нежелания быть собой прежней», как Анна. Не давая себе отчета, она представила свой долг роковым: она должна смерти (ибо ей кажется, что Вронский её разлюбил, что «Венера» отвернулась от неё; от Энея, повторю, та никогда не отворачивалась), поэтому и не может спастись. Бессознательный характер этого представления выражен символистской структурой эпоса Толстого; эпос же Вергилия не является символистским, если исходить из понимания подобной формы Шеллингом как «изображение абсолютного с абсолютной неразличимостью общего и особенного в особенном»¹⁶.

«Особенное» в романе – судьба Анны; но в этом особенном – «общее»: только человеку «тесно» в себе, пространстве своей жизни; только он хочет стать больше себя, но если это невозможно, ему не нужна такая жизнь. Толстой впервые в европейской литературе дал сверхчеловеческий тип героя, не мирящегося с органической, предопределенностью судьбы в предзаданном пространстве каждодневности. Этим отличаются оба персонажа, хотя каждый – «человек судьбы», но в одном выражена «средиземноморская персонология» (понятие В. Топорова), «особенное» (в понимании Шеллинга), а в другой – персонология универсальная («общее» Шеллинга).

Вернусь к упомянутому эпизоду скачек: «...Вронский знал, как много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетела, как бы не замечая. Она перелетела ее как птица...»¹⁷

После этого лошадь падает: «...Она затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица. Неловкое движение, сделанное Вронским, сломало ей спину»¹⁸.

Анна, услышав, что с ним что-то произошло, «совершенно потерялась. Она стала биться, как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси»¹⁹.

¹⁵ Л. Бинсвангер, *Экзистенциальный анализ*, Институт Общегуманитарных исследований, Москва 2014, с. 56.

¹⁶ Ф. Шеллинг, *Философия искусства*, Издательство Мысль, Москва 1966, с. 106.

¹⁷ Л. Толстой, *Полное собрание сочинений...*, т. 18, с. 210.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 221.

В этой сцене имеем дело с художественным предвидением гибели Анны. Сделано это посредством сравнения сначала лошади, а затем героини с птицей: гибнет лошадь-птица, погибнет – в системе символистской соотнесенности общего и особенного в особенном – героиня.

И, конечно, вершина этой художественной соотнесенности – двойное сновидение: Анна и Вронский видят одинаковый сон. Не возникает и вопроса, может ли такое произойти в действительности. Символистская поэтика исключает подобные вопросы. Пусть в обыденности не бывает (хотя не доказано с безоговорочностью), лишь бы в искусстве «небывалое» было художественно обосновано:

Что такое? Что? Что такое страшное я видел во сне? Да-да, мужик обкладчик [один из участников медвежьей охоты – В.М.], кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородой, что-то делал, нагнувшись, и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова²⁰.

Вронский приезжает к Анне, и та рассказывает свой сон:

Я видела, что я вбежала в свою спальню, что мне нужно там взять что-то, узнать что-то [...] и в спальне в углу стоит что-то [...] И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик с взъерошенной бородой, маленький и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся над мешком и руками что-то копошился там... [...] Он копошится и приговаривает по-французски...²¹

Тайком от мужа повидав сына, Анна приезжает к себе: «...Она никак не ожидала, чтоб это свидание так сильно подействовало на нее. Вернувшись в свое одинокое отделение в гостинице, она долго не могла понять, зачем она здесь. „Да, все кончено, и я опять одна“, – сказала она себе...»²²

Только художественной необходимостью соблюдать символические соотнесения могу объяснить, почему Толстой так часто удваивает слова и некоторые образы: «одинокое» и «одна», лошадь-птица и Анна-птица, двойной сон. Не вел подсчетов, но, думаю, исходя из символистской структуры (которая требует подобных «вторых» планов и в лексике, и в образах и сценах),

²⁰ Там же, с. 375.

²¹ Там же, с. 381.

²² Л. Толстой, *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 19, Государственное издательство художественной литературы, Москва-Ленинград 1935, с. 109.

аналогичных эпизодов найдется в романе достаточно, чтобы говорить об эстетическом правиле этого произведения. На *Энеиду* оно не распространяется, поскольку «пространства судьбы» Энея заранее заданы, предзаданы, а не предчувствованы, и с этой точки зрения «историософский эпос» (включая и *Войну мир* Л.Толстого) беднее «психологического эпоса»: у первого «пространства судьбы» ограничены явной предзаданностью истории; у второго бесконечны, ибо человек – единственное существо, которому тесно в себе самом и, разумеется, в истории.

«Средиземноморской персонологии» еще предстояло додуматься до такой мысли, но и современные психологи сохраняют неуверенность, в какой степени «выйти из себя» позволяет судить о душевном здоровье или нездоровье, а если нет уверенности, нельзя безошибочно определить границу двух состояний²³. Поэтому-то «Мне отмщение...»

И вдруг ей пришла страшная мысль: что, если он разлюбит ее? И, перебирая события последних дней, ей казалось, что во всем она видела подтверждение этой страшной мысли²⁴.

Разлюбил, т.е. она остается одна, – вот чего она боялась уже в ту пору, когда впервые увидела Вронского и для чего во всей её жизни прежде и теперь не было поводов. Она этого боялась от рождения, ибо с этим родилась, все поводы были в ней, поэтому все вокруг она рассматривала символом своего бессознательного страха.

Такого чувства нет у Энея, что объяснимо не двумя тысячелетиями, разделяющими оба текста, но двумя типами существования, причем «комплекс Анны» (можно ввести такое понятие наряду с комплексами Медеи, Федры – символами, согласно аналитической психологии, вековечных переживаний, выражающих смыслы – продолжу вышеприведенными словами Шеллинга – «с абсолютной неразличимостью общего и особенного в особенном»). Её комплекс – одна из разновидностей «комплекса Дидоны»: та, подобно героине Толстого, ушла из жизни, узнав, что возлюбленный покинул её, – первая в европейской литературе героиня, которая предпочла любовь жизни, и Анна (на сей раз Каренина) – её «сестра». Тем более, карфагенскую царицу посещает мрачное пророческое видение, напоминающее сон Анны: «На

²³ Л. Бинсвангер, *Экзистенциальный анализ...*, с. 56.

²⁴ Л. Толстой, *Полное собрание сочинений...*, т. 19, с. 111.

алтарь дары возлагая, // Вдруг увидала она, как чернеет священная влага, // Как в зловещую кровь возлияний вино обратилось...»²⁵.

Обе героини выражают универсальную проблему «трагизма любви», на это, в частности, намекают два похожих эпизода в жизни каждой: Эней покинул Дидону, не объяснив причины ухода, (хотя назвал её, встретив Дидону в посмертном царстве, но возлюбленная ничего не ответила); так и Вронский «покидает» Анну, не отозвавшись на её телеграмму, потому что уже уехал из этого места и не мог получить её послания.

И все же в судьбе карфагенской царицы нет того метафизического предчувствия судьбы, которое сопровождает жизнь Анны. Еще не полюбив, она испугалась, что ее разлюбят, а это для нее смерть, поэтому в несчастном случае на вокзале она увидела дурное предзнаменование, словно угадав в этой смерти свою, будущую, тоже под поездом, о чем «напомнил» ей мужик, которого она и Вронский видели во сне, и хотя в личном опыте каждого это были разные лица, во сне это было одно лицо.

При символистской соотнесенности объяснения не требуются, ибо личные, единственные, обстоятельства оказываются в художественном произведении выражением чего-то общего для всех в существовании, разумеется, у каждого на свой лад. Этим историософский эпос отличен от психологического: для первого индивидуальная судьба ничего не значит; для второго только она имеет значение. И если можно найти связь между этими эпосами, то за пределами литературы, в жизни читателя, который, не зная будущего, тем внимательнее должен быть к прошлому, включающему, как в *Энеиде*, прошлое историческое, ибо, хочет он этого или нет, его личное бытие (детство, отрочество, юность, зрелость) вплетено в этот исторический контекст; но и настоящее личной жизни требует неусыпного внимания, ибо открывает, из чего сплетаются нити его будущего.

Сопоставление двух эпосов, если признать его хотя бы возможным, может свидетельствовать, что между художественным произведением и быденностью нет непреходимых границ, и все же граница существует, иначе не тянуло бы к чтению как одной из форм «выхода из себя», «пересечения границы».

Не таков Эней, хотя и он – «человек судьбы», но другой, не определенной (названной, закрепленной в слове), а определенной, имеющей предел, границы, за которые он, «человек судьбы», не может выйти, сколько бы ни были бесконечны пространства его внешних перемещений.

²⁵ Вергилий, *Энеида*, с. 105.

Вместе с тем о знаках, сопровождающих странствия Энея, В. Топоров пишет, что с их помощью

обнаруживают себя те или иные смыслы, и в данной ситуации они интересны тем, что каждая конкретная знаковая система, каждый «новый» код... «видит» и/или изображает внеположенную ему реальность в несколько ином освещении... [...] Речь идет прежде всего о знаках-знамениях..., которым пока – ни в прошлом, ни в настоящем – нет никаких надежных соответствий. Единственное, что у них есть, – сознание или, чаще, неясная интуиция... относительно того, что эти знаки-знамения потенциально нечто значат и что значение их, в предыдущем опыте не обнаруживающее себя, может связаться с неким событием в будущем...²⁶

Высказанная исследователем мысль целиком применима к пространству судьбы Карениной. Ведь это её знакам «ни в прошлом, ни в настоящем не было никаких надежных соответствий», кроме единственного эпизода на вокзале в день приезда. Но в этом эпизоде, ничем не связанном внешне с жизнью героини, заключалось все её будущее. Ни она, ни читатель не знали, каким оно будет, но такие-то эпизоды и называются символическими, т.е. безграничными (неопределенными) по смыслу, но определенными по предчувствию, ибо пределом является трагический финал.

После этого можно говорить о причинах гибели Анны: она ошиблась в чтении знаков своей судьбы, не смогла выстоять как «другая Анна», но это и не подлежит человеческому суду, как и судьба Энея, но по иным причинам: Вергилий вел его твердой рукой, искусно спрятав свое водительство за волей богов и маскируясь увлекательными приключениями героя, который не только не помышлял выйти из своего пространства, но послушно двигался в нем, оберегаемый автором от ложных шагов.

Л. Толстой ничем и никогда не помогал Анне, она сама бессознательно выбрала себе судьбу. Для неё смысл существования был в любви к Вронскому, и, решив, что он разлюбил её, она из жизни ушла. Но это было её собственное решение.

Вронский не разлюбил Анны, изменились внешние знаки его любви. Это подтверждается ошеломившим его отчаянием, когда он узнал о её смерти. Ему, как и ей, жизнь стала не мила, и он отправляется на войну с бессознательной надеждой погибнуть.

²⁶ В. Топоров, *Эней – человек судьбы...*, с. 67.

Подобных смыслов нет в *Энеиде*: знаки, сопровождающие Энея, лишены символического значения, для него они всегда имеют прямой смысл, нечего разгадывать. Когда он достигает своей цели, читатель получает еще одно, в дополнение к многочисленным пророчествам, подтверждение, что ради этой цели и создано произведение; что следовало попросту дожидаться, когда все изобретательно описанные препятствия на его пути приведут к давно объявленному финалу. Об этом и говорит в конце поэмы Юпитер, обращаясь к Юноне – гонительнице Энея:

Мы до предела дошли. По морям ты могла и по суше // Тевкров бросать, могла ты разжечь несказанные войны, // Скорбными воплями дом вместо брачных песен наполнить. // Дальше идти запрещаю тебе!²⁷

Анна, не сознавая того, творит свою судьбу, которая, повторяю, имеет универсальное значение, исходя из символистской поэтики романа. Эней действует по предписанию, зато его предписанная история завершается в тексте историческим триумфом, к которому, правда, он не имеет отношения. Чего стоит его ответ Дидоне, встреченной в царстве Аида, о причинах, побудивших расстаться с ней:

Но клянусь я // Всеми огнями небес, всем, что в царстве подземном священо. // Я не по воле своей покинул твой берег, царица! // Те же веленья богов, что теперь меня заставляют // Здесь во тьме средь теней брести дорогой неторной, // Дальше погнажи меня!²⁸.

Анну «гонят» её собственные переживания, какими бы те ни были, поскольку их источник в ней самой, а не в обстоятельствах, играющих в её судьбе второстепенную роль. Она сама, из себя, создавала свою судьбу, и в этом она не столько европейский герой, («средиземноморский»), каким представил Энея В. Топоров, сколько героиня универсальная, вне пределов, ибо бесконечны (хотя и недолговременны) её внутренние пространства при тесноте внешних пространств её судьбы.

²⁷ Вергилий, *Энеида*, с. 361.

²⁸ Там же, с. 161.

Библиография

- Бинсвангер Л., *Экзистенциальный анализ*, Институт Общегуманитарных исследований, Москва 2014.
- Бунин И., *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 5, Московский рабочий, Москва 1996.
- Вергилий, *Энеида*, Издательство АСТ, Москва 2006, *Классическая и современная проза*.
- Зайцев Б., *Далекое*, Советский писатель, Москва 1991.
- Роллан Р., *Жизнь Толстого* [в:] Роллан Р., *Собрание сочинений 14 томах*, т. 2, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1954.
- Толстой Л., *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18, Государственное издательство художественной литературы, Москва-Ленинград 1934, *Серия 1. Произведения*.
- Толстой Л., *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 19, Государственное издательство художественной литературы, Москва-Ленинград 1935, *Серия 1. Произведения*.
- Топоров В., *Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персоналогии*, ч. 1, РАДИКС, Москва 1993.
- Шеллинг Ф., *Философия искусства*, Мысль, Москва 1966, *Философское наследие*.

ABSTRACT

Aeneas and Anna: Spaces of Destiny in the *Aeneid* and *Anna Karenina*

The comparison is based on understanding of each hero as a “man of destiny”, which depends on the spaces of their actions. The author determined the destiny of Aeneas by the space of history: Aeneas would become the ancestor of Roman tribes which were destined to rule the world. Anna’s space is determined by her destiny, which the heroine does not know herself, but she is tormented by anxious expectations, and everything that happens seems to be a bad omen for her. External spaces, unlike Aeneas, do not matter for her, because her spaces are inside of her.

This difference is the reason for the genre characteristics of the two novels, each of which is a novelty in the narrative tradition of Europe: Virgil created a historiosophical epic, Tolstoy – a psychological epic.

Keywords: destiny, space, mystery, epic, foreboding

Ключевые слова: судьба, пространство, тайна, эпос, предчувствие

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademickie między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

